

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ М.М. ХЕРАСКОВА

А.И. Любжин

Центр академического образования АНО ВО «РУМТ», Лаборатория междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт»; Москва, Россия; vultur@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются оценки поэтического творчества собратьев по цеху, сформулированные на протяжении всей жизни М.М. Херасковым. Их анализ показывает, что поэт для таких формулировок преимущественно избирает жанры и ситуации, когда уместна высокая оценка достижений того или иного автора, и не прибегает к жанрам, где ему было бы удобно высказывать критические и отрицательные суждения. Сформулированный Д.П. Ивинским на примере Ломоносова и Сумарокова вывод о том, что литературная борьба является делом второстепенным, а первостепенен вклад каждого конкретного автора, оказывается руководящим принципом оценки и в более широком контексте, как для отечественной литературы, так и для древней и новоевропейской, как для предшественников, так и для современников. Это соответствует и жизненной позиции Хераскова, покровительствовавшего литературным талантам своей эпохи.

Ключевые слова: М.М. Херасков; М.В. Ломоносов; А.П. Сумароков; Гомер; Вергилий; Лукан; Тассо; Ариосто; Вольтер; поэтология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-8

Для цитирования: Любжин А.И. К вопросу об эстетических взглядах М.М. Хераскова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 110–120.

ON THE AESTHETIC VIEWS OF M.M. KHERASKOV

Alexey I. Lyubzhin

Russian University of Metatechnologies; Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology"; Moscow, Russia; vultur@mail.ru

Abstract: The article considers the assessments of the works of fellow poets, formulated throughout his life by M.M. Kheraskov. The analysis reveals that the poet predominantly chooses genres and situations where high praise of the achievements of a particular author is appropriate, avoiding genres that would enable him to express critical or negative judgments more comfortably. The conclusion formu-

lated by D.P. Ivinsky on the example of Lomonosov and Sumarokov that the literary struggle is a matter of secondary importance, and the contribution of each particular author is paramount, turns out to be the guiding principle of evaluation in a wider context, both for Russian literature and for ancient and New European literature, both for predecessors and contemporaries. This corresponds also to the life position of Kheraskov, who patronised the literary talents of his epoch.

Keywords: M.M. Kheraskov; M.V. Lomonosov; A.P. Sumarokov; Homer; Virgil; Lucan; Tasso; Ariosto; Voltaire; poetology

For citation: Lyubzhin A.I. (2026) On the Aesthetic Views of M.M. Kheraskov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. no. 1*, pp. 110–120.

В течение последних десятилетий и даже лет в отечественной филологии существенно пересматриваются взгляды на личность и творчество М.М. Хераскова. Это происходит в двух аспектах: с одной стороны, он больше привлекает внимание исследователей самыми разными гранями своей личности и творчества¹, с другой — начинается пересмотр и оценки его как поэта. Среди тех, кто пишет о нем, отношение, сформулированное В.Г. Белинским — «Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт»², — в своем последнем пункте уже не находит сочувствия. По-видимому, официальное повышение в негласной табели о рангах, признание высоких поэтических дарований — вопрос времени, причем не такого значительного. Учитывая центральное положение М.М. Хераскова в русской литературе последней четверти XVIII в., становится актуальным в т. ч. и анализ его поэтологических воззрений. Однако такое исследование может быть проведено лишь поэтапно, учитывая специфические трудности, которые поэт ставит перед учеными, он требует учета не только русского, но и всего европейского контекста, а сами его взгляды сформулированы фрагментарно и нуждаются во вдумчивой реконструкции, которая постоянно оглядывалась бы на его литературную практику; в отличие от старшего поколения, от В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, у него было меньше вкуса к теоретической рефлексии и в особенности к литературной полемике, и он избегает первой даже там, где она, казалось бы, была уместна: «...я не поэму писал, а хотел сочинить

¹ Русская история, влияние на современников: см., напр., [Семенова 2019; Семенова 2016]; стихотворная техника: [Хворостьянова 2004]; античная и новоевропейская эпическая традиция, история репутации: [Любжин 2023]; отношение к русским поэтам-предшественникам, место в литературной жизни последней трети XVIII в.: [Ивинский 2018]. Ценнейшим материалом (к сожалению, стремительно устаревающим) стал библиографический свод: [Стрижев 2013].

² Белинский В.Г. Литературные мечтания // Сочинения В.Г. Белинского в 4-х тт. Т. I. 1834–1840. СПб.: 1896. Стлб. 35.

простую токмо повесть, которая для стихословия не есть удобна. Кому известны пиитические правила, тот при чтении сея книги почувствует, для чего не стихами она писана»³. В данной статье будет рассмотрен один из аспектов эстетических взглядов Хераскова — его оценка собратьев по цеху.

1. О херасковских оценках поэтов. Ранний этап

Сначала очертим круг текстов, где могут затрагиваться такие темы. Он достаточно широк: это и стихотворения малых жанров (прежде всего поздний литературно-теоретический «Поэт», который сочетает «правила» и оценки и представляет собой исключение из отмеченной нами закономерности, — он заслуживает отдельного разговора), предисловия к крупным произведениям и даже их тексты⁴. Полностью отсутствуют у Хераскова произведения, посвященные литературно-полемиическим задачам и направленные против определенных авторов, в т. ч. и эпиграммы⁵. Некоторое количество оценок встречается в лирических стихотворениях:

И там с Гомером строить
Божественную лиру,
Иль пить сладчайший нектар
С Овидием Назоном.
Анакреонта песни...
В восторг меня приводят⁶.

Сумароков и Ломоносов удостоены восторженной оценки:

Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала⁷.

³ Херасков М.М. Кадм и Гармония, древнее повествование. Ч. I. М.: В Университетской Типографии, у Н. Новикова. 1789. С. V.

⁴ О повестях пойдет речь ниже; но даже и в совсем не пригодном для этого жанре, стихотворном эпосе, мы можем столкнуться с такими оценками: «преславный сей певец... Гремящей лирою известный Ломоносов». Херасков М.М. Россияда, Поэма эпическая // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. I. М.: 1796. В Университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. С. 119–120.

⁵ Наши обобщения неверны, если рассматривать маскарад в честь Екатерины II 1763 г. «Торжествующая Минерва» так, как это сделала Е.А. Погосян [Погосян 2008; Погосян 2010]. Д.П. Ивинский пишет о ее соображениях: «Обстоятельства приглашения Сумарокова не прояснены, как и вопрос об антиломоносовском характере некоторых текстов, написанных для маскарада (см. обстоятельное развитие этой версии, вряд ли достаточно обоснованной...)» [Ивинский 2018: 69]. Выскажем солидарность с этим возражением. И в любом случае речь здесь не идет о литературной полемике и оценке ломоносовского стихотворного вклада.

⁶ К своей лире // Херасков М.М. Избранные произведения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.В. Западова. Л.: 1961. С. 74.

⁷ Письмо (1760 г.) // Ibid. С. 102–103.

Статья «Рассуждение о российском стихотворстве»⁸ содержит упоминания Симеона Полоцкого, Кантемира и Тредиаковского, но оценивается в ней не их талант, а система стихосложения: в силлабике первого «правила пиитические ни в какой мере не соблюдалась», второй и третий добились определенного прогресса, а поздний Тредиаковский писал «подлинными хорями и ямбами и дактилями». Ломоносов — «великий муж, столь превосходными дарованиями наделенный» (это единственная интегральная оценка, не ограниченная рамками жанровых достижений). «Трагедии [Сумарокова] являют мощь, сладость, изобилие и величественность наречия нашего: они... составляют честь Парнаса Российского и славу своего сочинителя»; «Г. Ржевский отличился жалобливыми элегиями, трогал чувствительные сердца, чистым слогом движения страстей рисовал и оплакивал страдания любви несчастливой». Поповскому перевод из Поупа «наипаче заслужил... истинное титло в славу изрядного пиита», Барков «наипаче... отличался» в ямбе. Сам жанр херасковской статьи предполагал разговор о достижениях, и потому критика была бы на этих страницах неуместна. Упоминается и комедиографическое творчество Екатерины II, но не ее имя; приведение прозаических сочинений не было уместно в данном случае, но Херасков искусно затушевывает эту неловкость: он пишет об отсутствии комедий в стихах, о том, что таковая вскоре будет поставлена (и здесь называет собственную пьесу, не называя своего имени). П. Берков подчеркивает, что Херасков предпочел неполноту картины подробному изложению собственной роли [с. 288], и считает красноречивым умолчание о В.П. Петрове [с. 290]. Он полагает, что по прошествии многих лет с момента смерти Ломоносова острота противоречий между ним и Сумароковым сгладилась, что позволило Хераскову высоко оценить обоих. Мы со своей стороны полагаем более справедливым суждение Д.П. Ивинского, который осуществляет в своем труде деконструкцию прежней, восходящей к Г.А. Гуковскому схемы и на основании многочисленных аргументов утверждает о М.М. Хераскове и писателях его круга: «борьбу рассматривали как дело второстепенное, а на первый план выдвигалось представление о ценности сделанного обоими антагонистами» [Ивинский 2018: 83].

II. Оценки последней четверти XVIII в. Повести. «Россиада»

В повести «Кадм и Гармония» есть пророчество, содержащее оценку Гомера, Вергилия и Овидия (с неожиданным предпочтением

⁸ Херасков М.М. «Рассуждение о российском стихотворстве»: Неизвестная статья М.М. Хераскова. Публикация П.Н. Беркова // Литературное наследство. Т. 9–10. М.: 1933. С. 287–294.

Вергилия Гомеру): «друг и любимец Муз... сие песнословие... будет до последних веков служить изящным примером важности и великого духа всем другим песнопевцам... По истечении нескольких веков явится в западной части земли... песнопевец Греческому верховному писателю в вымыслах и важности подобный, но красотой слога может быть его превосходящий. Он будет воспевать печальные следствия брани, нашим Еллинским писателем до него живописуемой. Некие современники его изящными и знаменитыми своими творениями сему великому мужу во славе уравниются; и один из них опишет дивные деяния Богов наших и преобразования праведных и грешных человеков; но сей сладостный песнопевец за его нескромность нещастие навлечет на себя и из его отечества изгнан будет; а сие изгнание подвигнет угнетенный дух его к новым сладчайшим творениям»⁹.

В «Полидоре» дан каталог русских писателей¹⁰: «может ли чувствительная душа... в восторг не прийти, внимая громкому и важному пению наперсника муз, парящего Л[омоносова]? может ли кто не плениться нежными и приятными творениями С[умарокова]?.. А вы мои предшественники, вы, мои достоправные современники в памяти наших потомков впечатлены и славимы вечно пребудете — и ты, Бард времен наших, новый Оссиян, превосходный певец и тщательный списатель красот природы! И ты Д[ержавин] во веки не умрешь по твоему вдохновенному свыше изречению; но не давай прохладяться священному пламени, в духе твоём Музами воспаленному; Музы не любят, кто ими призываемый редко с ними беседует. Тебе, любимец Муз, русский путешественник К[арамзин]. Тебе, чувствительный Н[елединский-Мелецкий]. Тебе, приятный певец Д[митриев]. Тебе Б[огданович] творец Душеньки, и тебе П[етров] писатель од громогласных, важностию преисполненных, то же я вещаю»¹¹. Здесь находится место (если эта реконструкция верна)

⁹ Херасков М.М. Кадм и Гармония... Ч. I... С. 117–118.

¹⁰ Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. М.: В Типографии И. Зеленникова. 1794. Ч. II. С. 186–188.

¹¹ В.Г. Белинский в первой статье пушкинского цикла [Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. 1. Обзорение русской литературы от Державина до Пушкина // Сочинения В. Белинского. Ч. VIII. М.: 1874. С. 113] дал расшифровку этих первых букв. Она практически полностью совпадает с нашей, за исключением С.: критик полагает, что речь идет о Евстафии Станевиче. Под бардом он понимает Боброва (оба — в примечаниях). М.Н. Лонгинов обращает внимание на ошибку со Станевичем: Лонгинов М.Н. Белинский и его лже-ученики // Русский вестник. Т. XXXIII. М.: 1861. Май. С. 129]. Но по поводу Боброва он не говорит ничего. Нам представляется, что старая пунктуация ввела Белинского в заблуждение и пассаж с бардом и Оссианом относится к Державину, а не составляет самостоятельной единицы.

и В.П. Петрову. Сам по себе характер места не дает возможности поместить отрицательную характеристику.

В храме Мудрости на острове Хриза в конце «Полидора» упоминаются Вергилий, Мильтон, Тассо, Камозэнс, Оссиан, Фенелон, Клопшток и Вольтер (как эпические песнопевцы); Пиндар, Малерб и Ломоносов как лирики; Софокл, Еврипид, Корнель, Расин и Сумароков как трагики; Менандр, Аристофан, Мольер, Теренций и Плавт как комики; отдельно упоминается Сапфо¹². Есть и еще несколько комплиментарных отзывов об античных авторах: о Лукане («Музами вдохновенного песнопевца Фарзалия бессмертными увенчана лаврами», *ibid.* Ч. II, с. 320). Упоминается «важность Гезиодова» (*ibid.* Ч. III, с. 28). Отдельно подчеркивается роль Овидия, поскольку для повести важна концепция превращения (*ibid.* Ч. II, с. 320).

Последнему изданию «Россиады» наряду с «Историческим предисловием» (которое было и в первых двух) предпослан «Взгляд на эпические поэмы»¹³, где упоминаются «Илиада», «Одиссея», «Энеида», «Погубленный рай» (мы предпочитаем переводить как «потерянный»), «Ганрияда», «Иерусалим», «Лузияда» и «Фарзалия» (снабжая свой эпос историческим и поэтологическим предисловием, Херасков следует за Вольтером, но его тексты много лаконичнее). Приведем оценочные суждения (они есть не везде): «Энеида» «несравненная», Мильтон «важный», Вольтер характеризуется следующим образом: он «начинает... убиением Генриха III, а оканчивает обращением Генриха IV из одной религии в другую — но прекрасные стихи его все делают обворожительным»¹⁴. Несколько ниже Херасков предлагает не сравнивать свое «слабое творение с превосходною эпопеею Вольтеровою». «Армида в Тассовом *Иерусалиме*, прекрасная волшебница, Армида, есть душа сей неоцененной поэмы; ее хитрости, коварства; ее остров, ее нежности, ее самая свирепость по отбытии Ренода, восхитительны — но не суть назидательны». «Лузияда» — «повествование, живую кистию писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея преизящных картин, непорядочно расставленных, но каждая из них восхищает, трогает, удивляет и в память врезывается». «Фарзалию многие нарицают газетами, пышным слогом воспетыми; но сии газеты преисполнены высокими

¹² Херасков М.М. Полидор... 1794. Ч. III. С. 435.

¹³ Херасков М.М. Россияда... С. XV–XVII.

¹⁴ Смысл херасковского «но» помогает понять параллельное место из Н.М. Карамзина: «Генриада» есть одна из тех поэм, которых главное достоинство состоит не в великих новых мыслях, не в живых, с самой природы взятых образах, но в красоте стихов». Карамзин Н.М. Генриада, Героическая Поэма Господина Вольтера, переведенная с Французского языка стихами. Москва, в Университетской Типографии у В. Огорокова. 1791 года // Московский журнал. Ч. II. М., 1791. С. 207.

мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями».

На этом предисловии следует остановиться. Гомер — единственный, кто не удостоился никаких похвал, — очевидно, в них и не нуждается, Вергилий — нуждается в наименьшей степени. Подробнее Херасков там, где есть некоторый контраст и, следовательно, вопрос о ценности. Рассмотрим пример с Луканом — тот, где Херасков приводит чужую отрицательную оценку и с ней не солидаризируется. «Некоторые» — прежде всего Вольтер. В «Идее Генриады» он писал: «мы пытались избежать недостатка Лукана, который создал только пышную газету»¹⁵. Впрочем, у Вольтера есть оценки Лукана, выраженные в совсем другом ключе, и на них также ориентировался Херасков (см., напр., статью «Эпопея» в «Философском словаре»: «Если вы хотите сильных идей, речей с возвышенной философской отвагой, у древних вы не найдете их нигде, кроме Лукана... Составьте вместе все, что древние поэты говорили о богах, — это детские речи сравнительно с этим отрывком из Лукана»)¹⁶. В этом случае рельефнее всего, но и в остальных, где отмечаются и положительные, и отрицательные аспекты, очевидно, что первые для Хераскова наиболее значимы и вполне извиняют вторые.

III. Поздние суждения. «Бахариана». «Поэт»

Во вступлении к «Бахариане»¹⁷ Херасков упоминает двух эпиков, сочинивших, кроме «важных», «забавные» поэмы, — Гомера и Вольтера. «Орлеанка» — повесть «вредная, но остроумная». Есть в тексте поэмы и другие оценки, в частности, Херасков отдает должное Ариосто, которому подражал еще в «Россиаде», не упоминая тогда его имени:

Я Ильяде, как Оракулу
Поклоняться с ревностью готов;
В Одисее нравен мне Гомер;
Мне Марон в Энее сладостен;
В погубленном Рае мне Мильтон
Дивен, беспримерен кажется;
Шутошен в Роланде Ариост,
Но не редко мил, — любезен он.
Живописцем Тасс мне видится;

¹⁵ *Voltaire F.-M. A. de. Idée de la Henriade // Œuvres complètes de Voltaire, Nouv. éd avec notices...* La Henriade. Poème de Fontenoy. Odes et Stances, etc. Paris: Garnier Frères, 1877. Vol. VIII. P. 39.

¹⁶ *Voltaire F.-M. A. de. Épopée // Œuvres complètes de Voltaire, Nouv. éd avec notices...* Dictionnaire philosophique. II. Paris: Garnier Frères, 1878. Vol. XVIII. P. 572.

¹⁷ [Херасков М.М.] Бахариана, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М.: В типографии Платона Бекетова. 1803. С. 5.

Плачу вместе я с Овидием,
В жалостных его Элегиях... (Ibid. С. 128).

Здесь мы имеем дело с двумя контрастами, «остроумие» Вольтера противостоит «вреду», а то, что Ариосто мил и любезен, — его шуточности (которая, по-видимому, в данном контексте воспринимается как недостаток — отсутствие «важности»: ах, какой героический эпос сумел бы сочинить Ариосто, не сочини он ироико-комический эпос!). И, как и прежде, положительный момент перевешивает.

Позднее, практически предсмертное теоретическое стихотворение «Поэт» недавно было подвергнуто подробному анализу [Вендитти, Шруба 2014]. Этот анализ сопровождается неполным, но достаточно значительным по объему ретроспективным обзором. К числу недостатков последнего отнесем отсутствие указаний на противоречия между изложенной в «Поэте» позицией и прежними воззрениями Хераскова (напр., между следующими тезисами: «поэма Петр Великий, которую по моему мнению писать еще не время»¹⁸, и рекомендацией, при желании написать эпическую поэму: «Воспой великого Петра мне под Палтавой»¹⁹). Имело бы смысл сопоставить максимум «Пиши как будто бы других Поэтов нет» (с. 7) с поздней практикой самого Хераскова; очевидно, что «Россиада» — вполне

¹⁸ Херасков М.М. Россияда... С. XVIII.

¹⁹ Херасков М.М. Поэт. М.: 1805. В типографии Христофора Клаудия. С. 12. Это не второстепенная подробность. По-видимому, здесь Херасков опирался на мнение Торквато Тассо, который был не только выдающимся эпическим поэтом, но и теоретиком эпоса. В первом из «Рассуждений о поэтическом искусстве и о героической поэме в особенности» тот предлагает брать материал из истории; такая может быть весьма отдаленной, либо современной, либо не слишком давней и не слишком близкой. Первая дает простор для вымысла, но старые обычаи наскучат большинству читателей; напротив, современные события, не утомляя древностью реквизита, не оставляют возможности для вымысла. Хорош средний путь, который лишен недостатков того и другого [*Torquato Tasso. Discorsi dell'arte poetica e in particolare sopra il poema eroico. Discorso primo // Torquato Tasso. Prose. A cura di Ettore Mazzali. Milano. Napoli. 1959. P. 357–358*]. В этом смысле «Россиада» полностью соответствует пожеланиям Тассо; о «Владимире» и «Чесмесском бое» этого сказать нельзя, и здесь перед нами — вопрос, на который еще предстоит ответить. Не исключено, что с тезисом Тассо Херасков познакомился относительно поздно, поскольку суждение, по-видимому, восходящее к нему, сформулировано только в публикации 1796 г.; но достаточна ли хронологическая разница между 1796 г. и 1805 г. сама по себе, чтобы мотивировать изменение позиции? Между событиями, описанными в «Освобожденном Иерусалиме», и созданием поэмы прошло около четырех с половиной столетий; для «Россиады» эта дистанция — чуть больше двух столетий, для «Генриады» — меньше полутора, но все равно несколько больше, чем была бы для петровской тематики в начале XIX в. Может быть, динамичное начало александровского царствования отодвинуло петровскую эпоху в глазах публики и из недавней сделало ее среднеудаленной?

конвенциональный эпос — написана в полном несоответствии с таким призывом. Не слишком плодотворной и преувеличенной представляется идея «масонской» эстетики [Вендитти, Шруба 2014: 545, где масонство определяется как «общий знаменатель всех эстетических и миросозерцательных воззрений» поэта, и слл.]. Но есть в этой работе и ценные наблюдения, напр., об отсутствии «всякой непосредственной полемики с пришедшими ему на смену литературными течениями и их представителями» (с. 550).

Как «поэтика» стихотворение Хераскова уже в силу жанровых особенностей не может содержать отрицательных оценок. Херасков требует от поэта должным образом воспринимать Гомера (с. 6–7), Тассо, Мильтона, Вергилия (7), в качестве образцов для театра называет Мольера, Расина, Софокла, Эсхила, Корнеля, Вольтера (11–12), в «гремящих» одах — Ломоносова, предлагает шутить или воспевать Бога с Державиным и научать в притчах «с Лафонтенами» (единственное такого рода множественное число). В финале он ссылается на поэтики Буало и Сумарокова.

IV. Итоги

Довольно часто мы сталкивались с тем, что отрицательной оценки и критики не допускает избранный Херасковым жанр; но он был полномочным владельцем своего литературного хозяйства и, разумеется, мог найти случай и жанр для критики, если бы это входило в его намерения. Мы видим, что свойство, отмеченное Д.П. Ивинским на примере Ломоносова и Сумарокова, — рассматривать борьбу как дело второстепенное, а главное видеть в достижениях каждого, — является для Хераскова универсальным. Достоинства в каждом конкретном случае для него важнее, чем недостатки, и, если они есть, автор не теряет ценности. Полемика и критика в его поэтологическом наследии практически отсутствуют²⁰. В этом отношении Херасков был продолжателем дорогих для него авторов — Овидия, в автобиографической элегии *Trist. IV, 10* с благодарностью перечислившего поэтов, с которыми был знаком, но никогда (в отличие от не только агрессивного Катуллы, но и миролюбивого Вергилия и добродушного Горация) не отзывавшегося дурно о собратях по цеху, и Ариосто, создавшего в последней, XXXVI песни «Неистового Роланда» памятник своим дружеским связям, в т. ч. и артистическим. Этот подход согласуется и с его жизненной позицией — поддержкой дарований, которые в ней нуждаются. Между бурными и полемическими периодами в истории русской литературы — эпо-

²⁰ Возможно, этот тезис был бы скорректирован тщательным анализом фигур умолчания.

хой Тредьяковского, Ломоносова и Сумарокова и пушкинской — был период мира и покоя, когда ведущая в литературной жизни фигура полагала достоинства более важным фактором, чем недостатки, а покровительство и помощь — более насущной задачей, нежели литературная полемика. Влияние, которое это обстоятельство оказало на весь ход развития русской литературы, еще предстоит оценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вендитти М., Шруба М.* «Ars poetica» М.М. Хераскова // *Russian Literature LXXV* (2014) I/II/III/IV. С. 535–561.
2. *Ивинский Д.П.* М.М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. М., 2018.
3. *Любжин А.И.* Статьи о М.М. Хераскове // Любжин А.И. *Opuscula.* Эссе. Стихотворения. Статьи о Хераскове. Магадан, 2023. С. 89–348.
4. *Погосян Е.А.* Ломоносов и химера: отражение литературной полемики 1750-х годов в маскарade «Торжествующая Минерва» // *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI* (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту, 2008. С. 11–24.
5. *Погосян Е.А.* К предыстории «Торжествующей Минервы»: И.И. Бецкой и М.М. Херасков в кругу организаторов маскарada // *Пермяковский сборник. Ч. 2.* М. 2010. С. 111–127.
6. *Семенова А.В.* «Россияда» М.М. Хераскова как один из источников оперы Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» // *Литературоведческий журнал.* № 32, 2016. С. 46–53.
7. *Семенова А.В.* Поэма М.М. Хераскова «Владимир»: к вопросу об исторических источниках // *Studia Litterarum.* 2019. С. 172–187.
8. *Стрижёв А.Н.* Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807). Материалы к библиографии. Составление А.Н. Стрижёва // *Литературоведческий журнал.* № 32. М., 2013. С. 232–285.
9. *Хворостьянова Е.В.* Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века (две редакции «Россияды» М.М. Хераскова) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* 2004. С. 290–299.

REFERENCES

1. Venditti M., Shrubu M. «Ars poetica» M.M. Kheraskova [“Ars poetica” by M.M. Kheraskov]. *Russian Literature.* LXXV (2014) I/II/III/IV, pp. 535–561. (In Russ.)
2. Ivinskij D.P. M.M. Kheraskov i russkaya literatura XVIII — nachala XIX vekov. [M.M. Kheraskov and Russian Literature of the XVIII — Early XIX Centuries.] Moscow, R. Valent Publ., 2018. 215 p. (In Russ.)
3. Lyubzhin A.I. Stat’i o M.M. Kheraskove [Articles on M.M. Kheraskov]. In: *Opuscula. Esse. Stikhotvoreniya. Stat’i o M.M. Kheraskove* [Opuscula. Essays. Poems. Articles on M.M. Kheraskov]. Magadan, *Novoe Vremya Publ.*, 2023, pp. 89–348 (In Russ.)
4. Pogosyan E.A. *K predystorii «Torzhestvuyushchej Minervy»:* I.I. Betskoj i M.M. Kheraskov v krugu organizatorov maskarada [To the Prehistory of the “Triumphant Minerva”: I.I. Betskoi and M.M. Kheraskov in the Circle of Masquerade Organizers]. In: *Permyakovskij sbornik*, Part 2. Moscow, *Novoe izdatelstvo Publ.*, 2010, pp. 111–127 (In Russ.)

5. Pogosyan E.A. *Lomonosov i khimera: otrazhenije literaturnoj polemiki 1750-kh godov v maskarade «Torzhestvuyushchaya Minerva»*. [Lomonosov and Chimera: Reflections of the Literary Polemics of the 1750s in the Masquerade “Triumphant Minerva”] In: *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. VI (Novaya seriya): K 85-letiju Pavla Semenovicha Rejfmana* [Works on Russian and Slavic philology. Literary criticism. VI (New series): On the 85th anniversary of Pavel Semenovich Reifman]. Tartu, 2008, pp. 11–24 (In Russ.)
6. Semenova A.V. «Rossiyada» M.M. Kheraskova kak odin iz istochnikov opery G.R. Derzhavina «Groznyj, ili Pokorenie Kazani» [«Rossiyada» by M.M. Kheraskov as One of the Sources of the G.R. Derzhavin’s Opera «Grozny, or the Conquest of Kazan»]. *Literaturovedcheskij jurnal* [The Journal of Literary History]. № 39, 2016, pp. 46–53 (In Russ.)
7. Semenova A.V. Poema M.M. Kheraskova «Vladimir»: k voprosu ob istoricheskikh istochnikakh. *Studia Litterarum*. 2019, pp. 172–187 (In Russ.)
8. Strizhyov A.N. Mikhail Matveevich Kheraskov (1733–1807). Materialy k bibliografii. Sostavlenie A.N. Strizhyova [Mikhail Matveyevich Kheraskov (1733–1807). Materials for Bibliography. Compilation by A.N. Strizhyov]. *Literaturovedcheskij jurnal* [The Journal of Literary History]. № 32, 2013, pp. 232–285 (In Russ.)
9. Khvorost’yanova E.V. Problema poeticheskoj ekvivalentnosti v russkoj literature XVIII veka (dve redaktsii «Rossiyady» M.M. Kheraskova) [The Problem of Poetic Equivalence in Russian Literature of the XVIII Century (Two Editions of M.M. Kheraskov’s “Rossiada”)]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologia* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 2004, p. 290–299 (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.05.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 25.01.2026

Received 03.05.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 25.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Алексей Игоревич Любжин — д.ф.н., профессор Центра академического образования АНО ВО «РУМТ», старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории физтех-школы прикладной математики и информатики, МФТИ, Физтех; vultur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey I. Lyubzhin — Doctor of Philology, Professor of the Autonomous noncommercial organization of higher education “Russian University of Metatechnologies”, Senior Research Fellow of the Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (IASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University “Moscow Institute of Physics and Technology”; vultur@mail.ru